

НАСТАСИЯ Александровна, что для вас весна?

- «Весна в Фиальте» Набокова. И поэтому прожитый год оцениваю именно весной, связываю с ней какие-то надежды. В молодости они были любовные, а теперь - творческие. Это тревожащий душу период, и, конечно, хочется обновления. Я слышала о человеке, который переезжал из страны в страну по всему земному шару и делал это именно весной, чтобы вечно пребывать в этом состоянии. В этом что-то есть, потому что весна дает тебе надежду, что что-то произойдет еще в твоей жизни. К концу года ты уже понимаешь, что осуществилось, а что - нет. А весна - это обманное время, время смутных надежд, и я, как всякая женщина, люблю обманывать себя... до какой-то степени.

- Театральной Москве очень не хватает актрисы Вертинской. Мы соскучились. А вы?

- А мне очень не хватает режиссера уровня Эфроса. Ведь самое высшее удовольствие, которое ты получаешь от репетиции, - это когда существуют альянс и любовь, влюбленность между режиссером и актерами. Это должно быть взаимно. И эту взаимность я испытала, пожалуй, только с Эфросом, потому что он любил актеров и никогда не применял кнут. И эта любовь у него существовала изначально к любому актеру, талантливому или бездарному. Он ожидал от актера чуда. И взаимная тяга рождала невероятную атмосферу на репетиции, когда хотелось играть, хотелось общаться. Вообще он был самым лучшим зрителем. Когда мы репетировали «Тартюфа», он хохотал. Не записывал замечания, а просто сидел и получал удовольствие. А затем его режиссура заключалась в том, что он выходил к нам на сцену, вместе с нами проигрывал какие-то сцены, импровизировал, этой импровизацией уточняя, что надо делать. Что говорить, он был настоящим маэстро. И во имя чего тогда вообще это искусство, если не во имя взаимного удовольствия.

Театр - это удовольствие, а не мучительное существование, когда ты находишься в коллективе театра и невозможно отказаться от режиссера, от пьесы, от роли, когда ты не хочешь это играть, а тебя принуждают, потому что ты в коллективе. И ты, как пленник, вынужден идти к этому бездарному режиссеру или играть эту бездарную пьесу. Это самая тяжелая форма изнасилования. Это то, от чего наш театр должен уходить в первую очередь. Ни в одном театре мира нет этих взаимоотношений, когда ты в труппе, в коллективе, а над тобой - главный режиссер, который уже давно не может этим театром управлять, но управляет. А антреприза - это нормальная вещь. Ты знаешь, что с 20-го по 31-е ты находишься именно с этим режиссером, играешь именно эту роль, ты подписал контракт. Но с 31-го числа он больше не твой надзиратель, не надзиратель твоих взаимоотношений с труппой. Жить в театре можно только до тридцати лет, когда ты хочешь этого коллектива, когда в тебе еще живо студенчество. А позже эта групповщина становится омерзительной, потому что на сцене важна именно твоя личность, индивидуальность.

И когда грянула перестройка, меня просто катапультировало из МХАТа. Свобода оказалась такой притягательной силой, что даже не зная, что я буду делать дальше, я просто вылетела оттуда - до такой степени меня достали отношения типа «стройся и иди».

- Вы часто что-то меняете в своей жизни?

- Все время меняю.

- Легко?

- Да, я вообще легко все меняю. У меня такая натура, может быть, потому, что я Стрелец, без конца ищу чего-то нового. Я очень быстро пресыщаюсь, к сожалению, конечно. Ничего хорошего в этом нет. Но все время ищу что-то новое.

- Верите в череду жизней, в карму?

- Я верю, что душа человека бессмертна, что она идет к Богу, и что человеку воздастся за все содеянное на земле добро и зло. И поэтому я очень боюсь ошибок, серьезных ошибок.

- А смерти боитесь?

- Очень.

- Вы верующий человек?

- Во всяком случае, стараюсь им быть. Я считаю, что истинная вера очень трудна на самом деле. И из всех Христовых заповедей не та трудна, где написано: «Не убий». А самая тяжелая, сложная заповедь: «Не возжелай зла ближнему своему». Это непросто, потому что жизнь сейчас такая, что ты волей-неволей становишься агрессивным. И дело не в том, чтобы ходить в церковь и свечи ставить, а в том, чтобы приобщаться к Богу, живя в миру. Это очень трудно, но надо к этому стремиться.

- Вам принадлежит идея создания Благотворительного фонда русских актеров. Как президент этого фонда чем вы занимаетесь?

- Мучительным выбиванием денег. Раньше можно было выбивать деньги из богатых людей, а нынче нельзя, потому что сейчас богатые люди особенно бездушны. Мне помогает московское правительство в лице Владимира Иосифовича Ресина, которому я безмерно благодарна,

потому что ни на одну мою просьбу он пока не ответил отказом.

Поначалу, создавая этот фонд, я мечтала о том, что у меня будут деньги и возможность помогать талантливым людям. А потом оказалось, что этих денег едва-едва хватает на социальные нужды: помощь пенсионерам, инвалидам, безработным, людям, которые всю жизнь отдавали этой профессии, а в результате оказались никому не нужны. Мы опекаем Театральную библиотеку, которая воспитала не одно поколение театральных деятелей, а сейчас находится в катастрофическом положении. И бесконечные помощи в тяжелых случаях... Я не люблю об этом говорить, ибо сказано: твори добро молча.

У меня это наследственное: дед мой, папин отец, был адвокатом в Киеве, и когда он умер, за гробом шло огромное количество бедных людей. Потом выяснилось, что это люди, чьи дела он вел бесплатно. Папа, когда приехал в Россию, давал очень много благотворительных концер-

удовольствием пошла бы к нему в класс. Это безумно интересно.

А если бы приехал Питер Брук и открыл бы свой stage, я бы все дела свои отодвинула и пошла бы к нему.

- Недавно в эфире 1-го канала появилась ваша авторская программа «Золотое сечение». Почему «Золотое сечение»?

- «Золотое сечение» - это символ идеальных пропорций в архитектуре, живописи. Я делаю программу о личностях, в которых пропорции ума, интеллекта, таланта совершенны. В частности, эта программа была о Жаке Сегела, короле рекламы во Франции. Он сделал имидж Миттерану. Он придумал ему лозунг, манеру поведения - все. Он его создал. При этом он очень образованный человек, а не просто рекламщик. Он - личность. Биография его пестрит сложностями, падениями, провалами, неудачами и взлетами. И Сегела никогда не почивал на лаврах. Он всегда шел вперед, дальше, дальше, дальше... Вечное сопротивление жизни и веч-

Я счастлива, что я - «забытый раритет»...

Сны и явь Анастасии Вертинской

Каждый раз, попадая в эту квартиру, ощущаю мучительную необходимость расстаться с человеческим обликом и стать частью интерьера, - настолько точно и пропорционально здесь соотношение вещей, вещичек, птиц, диванов, портретов, окон и дверей. Хозяйка - безработная актриса Анастасия Вертинская - выглядит вызывающе хорошо, чего не скажешь о нашем кинематографе...

В тот день, когда нам удалось поговорить, в городе случилась весна - время иллюзорное и коварное, но как повод завести непринужденную беседу вполне подходящее.

тов. И делал это не по приказу Министерства культуры, а по велению сердца, потому что считал это своим долгом. Я тоже считаю это своим долгом. Ведь многие люди сейчас заняты только собой. Это неправильно, не по-христиански. Обязательно надо делать что-то для людей.

- Ваша преподавательская деятельность осуществляется только на территории Франции?

- Да. Дело в том, что французские актеры, равно как и европейские вообще, и американские, никогда не перестают учиться. У них это называется stage - стажировка. Там, если у актера заканчивается контракт, он получает пособие по безработице, но если он участвует в каком-то stage, то его оплата повышается. К тому же не всегда получается поработать с каким-то интересным режиссером, интересной ролью. А в stage ты можешь взять любую роль, это - лаборатория: ты пробуешь, и никто тебя не маркирует оценками. И у нас с Калягиным учатся многие актеры из разных театров.

Очень жаль, что в России этого нет. Вообще сказать, что наши актеры выходят подготовленными и профессионально обученными, невозможно.

На самом деле четыре с половиной года обучения они были баклуши. А теперь, основываясь на собственном педагогическом опыте, я знаю, что этим делом надо заниматься шесть часов в сутки. Тогда можно стать актрисой. И я считаю, что актрисой стала поздно. И период инкубации моей был очень долгим.

Я, например, жалею, что сыграла мало шекспировских ролей. И если бы приехал какой-нибудь английский режиссер и открыл бы здесь stage, я бы с удовольствием прошла бы его. Мы не изучаем комедий дель арте, мы знаем о ней что-то чисто теоретическое. И если бы приехал итальянский режиссер, например, Стреллер, я с

ная судьба идти вверх - это очень тяжело, это колоссальный труд.

- И все-таки, несмотря на все ваши сегодняшние многочисленные занятия, вы - актриса. Есть интересные предложения?

- Предложения есть, но они неинтересные.

- Вы легко отказываете?

- Я с трудом соглашаюсь.

- А причину отказа честно говорите?

- Я стараюсь врать изо всех сил, только бы не сказать, как это все ужасно.

- Легко прощаете обиды?

- О-о-о, смотря какие...

- Вещи сны бывают у вас?

- Я очень хотела бы, чтобы они были. Нет, только однажды был такой сон. Я вообще, когда вижу во сне отца, он где-то вдалеке находится. И однажды, это было давно, я его увидела во сне вблизи. Как будто он вернулся. И прибежала мама, радостная, потому что ей сказали, что он вернулся. Он сидел в какой-то оранжерее на стуле. И я помню, что я подошла к нему и села на пол, прижавшись к его коленям. Я очень хорошо помню, как он был одет. Я помню буквально каждую ниточку его одежды. Я смотрела ему прямо в глаза, и хотя глаза у него были серые, но во сне они были почему-то светло-рыжие с крапинками.

Я спросила: «Ты же умер. Как же получилось, что ты вернулся?» Он долго-долго смотрел на меня, снисходительно улыбаясь, а потом ответил: «Ну как тебе сказать... Тело мое давно истлело, но духом я жив». Эту фразу я запомнила на всю жизнь. Это был странный сон, потому что, открыв глаза, я еще долго видела, как он исчезает в лучах солнечного света. И тогда наступило самое большое облегчение в моей жизни. Я подумала, вот он вернулся, и дальше не будет у меня никаких проблем, глубоких страданий, сложностей... Просто потому, что он вернулся... И это возвращение скомпенсировало мне недостаток общения с ним. Он не вел

меня по актерской стезе, но очень часто потом, стоя за кулисами, я ощущала его присутствие, как будто он охранял меня.

Мне вообще очень трудно себя отделить от него. Я не думаю, что есть какая-то грань, где он заканчивается, а я начинаюсь. На самом деле, это единое целое - отец плюс дочь, - в котором мы находимся с ним вдвоем. Ведь он не оставил после себя никакого продолжения. Он был один, и после него не осталось ничего: ни учеников, ни последователей его искусства. Потому что Вертинский - исчерпывающая личность. Не просто человек, рояль и микрофон, а целый театр, целое искусство, целая поэзия.

Его судьба была двойственна: как артист он собирал аншлаги, администраторы боялись вывешивать афиши в городах, где он гастролировал, а с другой стороны, ни одной статьи о нем при его жизни не было опубликовано. Он получил Сталинскую премию за фильм «Заговор обреченных», и в то же время не мог записаться в Доме звукозаписи. Ему просто не разрешили, не объяснив, почему.

- Мне кажется, это отчасти компенсируют сегодня фирмы грамзаписи. Прекрасный диск выпущен фирмой «R. D. M.» - «Песни любви». Эксклюзивный материал 20-х годов, рисунок Рустама Хамдамова на обложке - у этой пластинки высокий рейтинг в музыкальной и околмузыкальной тусовке...

- Это очень приятно слышать. Мне вчера позвонил мой приятель из Парижа Игорь Бортник и сказал, что он слушает французский диск Вертинского и умоляет прислать «Песни любви». Мало того, ему звонил Азнавур, который просил, чтобы я и ему прислала этот диск, потому что он вообще очень любит отца и чуть ли не хочет петь его песни.

Все это лишь подтверждение того, что подлинное остается в искусстве, а то, что было временным, уходит. Я убеждаюсь в этом, глядя на сегодняшних «корифеев» нашей эстрады. И с этой точки зрения мне даже нравятся, что меня причисляют к «раритетам», «забытым раритетам советского искусства». Я счастлива, что я - «забытый раритет». Я не хочу быть «популярной артисткой». Сегодня это невыносимо. А у «раритета» есть надежда, что о нем вспомнят через несколько поколений.

- Слухи о...

- Слухи о моей смерти сильно преувеличены.

- ...О ваших необычайных кулинарных талантах не преувеличены?

- Нет, не преувеличены. Моя бабушка была большой кулинаркой: дедушка был грузин, и она знала грузинскую кухню; они жили в Китае - и она знала китайскую кухню; сама она была сибирячкой - и знала сибирскую кухню. Папа был гурманом и тоже умел замечательно готовить. Бабушка воспитывала нас с Машей в большой строгости и учила всему этому. Я очень люблю готовить, и у меня есть тайные рецепты, которые я не продам никогда. Может быть, передам кому-нибудь...

- А что любите есть?

- Есть я люблю все. Я большая гурманка - я люблю китайскую, японскую, грузинскую, русскую кухни. Очень люблю пасхальный стол, он мне кажется самым изысканным.

Мы всегда в семье обсуждаем, чем будем разговляться в этом году. В прошлом году это была баранья нога. Баранья нога хороша тем же, чем хороша теленяга, - ее можно есть холодной на следующее утро. Это потрясающее свойство ног. Есть еда, которую совершенно невозможно есть наутро. А баранина и телятина очень хороши в холодном виде. И еще холодные пироги, которые разогреваются на сливочном масле с двух сторон на сковородке...

- Верите в любовь с первого взгляда?

- В секс с первого взгляда верю, а в любовь... не очень.

- А в любовь до гробовой доски?

- Я еще не дошла до гробовой доски. Вот когда будет захлопываться крышка гроба, спросите меня - я отвечу.

- Любите сейчас кого-нибудь?

- Нет. Сейчас нет. Состояние влюбленности не зависит от того, сколько людей тебя окружает, кто в тебя влюблен, добивается кто-то тебя или нет... Это зависит от одной простой вещи - пошел ли тебе Господь Бог счастье это испытать.

Любовь, на мой взгляд, - это мгновение жизни. Это не есть форма длительная, потому что тот колоссальный энергетический столб, который обрушивается на тебя в момент влюбленности, не может быть вечным. От этого можно было бы сойти с ума. И за все те мгновения, которые Господь посылал мне, когда я испытывала это чувство, я благодарна ему...

Марина МАНИЛОВА

P. S. Когда верстался номер, стало известно, что авторская программа Анастасии Вертинской «Золотое сечение» не надобна Общественному Российскому Телевидению. Ах, Анастасия Александровна, ну что вам стоило вручить Жаку Сегела видеоплеер или, на худой конец, соковыжималку под звуки «Марсельезы» и рев торжествующей толпы? Глядишь, оно бы и повернулось по-другому...

